

О теоретическом вкладе Т.В. Адорно в разработку понятия «политического»

Мюрберг И.И., Институт философии РАН,
myr@iphras.ru

Самойлова А.Г., Институт философии РАН.
samoilova@iph.ras.ru

Аннотация: Т.В. Адорно, немецкий философ, социолог, теоретик искусства, был представлен в отечественных исследованиях XX века, главным образом, как видный теоретик неомарксизма. Авторы статьи, не опровергая ни одного из перечисленных определений, преследуют цель описания творческого вклада Адорно в терминах современной политической теории (эта теория трактуется авторами – наряду с феноменологией, экзистенциализмом, психоанализом и пр. – как один из вариантов формирующейся неклассической мысли), теории, стремившейся потеснить классические традиции философствования. В статье показано, что оппозиционность Адорно в отношении ряда положений гуссерлевско-хайдеггеровской феноменологии не делает его противником феноменологии как таковой. Исследовательский вектор его политической философии в важных аспектах совпадает с возникшим при его жизни социально-феноменологическим направлением. Вывод о причастности философии Адорно к феноменологической традиции позволяет авторам статьи обосновать тезис о наличии внутренней связи между социально-политическими и искусствоведческими идеями немецкого философа. Подобно А. Шюцу, основателю феноменологической социологии, Адорно видел в занятиях эстетической теорией, в использовании приемов и методов искусства важнейшее средство подтверждения верности собственной философской концепции, согласно которой постигший XX в. кризис субъективности (тема «массового общества») преодолим только средствами самой человеческой субъективности. Анализ сочинений Адорно проводится в статье через призму этого положения, занимающего центральное место в его социально-политическом учении. Полученные выводы позволяют утверждать, что указанные междисциплинарные исследования Адорно в сумме послужили дальнейшему развитию возникшего в лоне западной неклассической философии понятия «политического».

Ключевые слова: понятие «политического», критическая теория общества, неклассическая философия, феноменологическая социология, кризис субъективности, «эстетическая логика», мимесис

Для европейской политической мысли XX века понятие «политического» стало примером плодотворного влияния философии на теорию политики. В этом качестве «политическое» по сей день остается образцом философского вопрошания, характеризующего наступление постклассического этапа развития европейской философской традиции. Отход от классических мыслительных канонов в целом типичен для XX века; его невысказанную основу составило спонтанное формирование в умах мыслящей части населения Европы новой политической картины мира. К началу XXI в. эта тенденция успела проявить себя практически во всех сферах

динамично развивающейся социальной действительности, отразившись в появлении новых способов ее осмысления. Так, в поле широко понимаемой социальной теории утвердился целый ряд философских учений неклассического типа (феноменология, экзистенциализм, психоанализ, аналитическая философия и т.п.) – все из них возникли практически одновременно, в первой трети XX века. Опубликованная тогда же (в 1927 г.) статья Карла Шмитта «Понятие политического»¹ принадлежит к данной плеяде как хронологически, так и содержательно. Однако, что касается рецепции этой стороны творчества Шмитта европейским интеллектуальным сообществом, она – в силу ряда причин – началась лишь в 60-е годы. Потребовалось несколько десятилетий для того чтобы, по завершении процесса этико-теоретической диссоциации с нацизмом, исследователям открылась стадия ясного видения философски неангажированного содержания, заслоненного в 40-е - 50-е годы идеологически неприемлемыми взглядами Шмитта времен его сотрудничества с национал-социалистической партией Германии. Как известно, эту судьбу, наравне со шмиттовским теоретическим вкладом, разделили учения таких мыслителей, как Ф.Ницше и М.Хайдеггер.

Термин «политическое» был введен в оборот Шмиттом в вышеупомянутой работе, и первой реакцией на него стало резкое неприятие нового понятия, вызванное весьма очевидными причинами: первая из них – готовность автора идти на сотрудничество с режимом Гитлера, вторая – авторское определение «политического» через брутальную дистинкцию: «друг – враг»; именно в этом различии усматривал Шмитт сущностное основание любой политики. Однако, спустя годы, период критики «политического» (имеется в виду период до 60-х гг.) сменился интересом к Шмитту-теоретику, порожденным общим смещением акцентов в сторону более философичных толкований, как то: «центральное высказывание и непреходящее научное значение этого сочинения состоят в том, что в нем выдвигается критерий (проверяемый ссылками на феномены) не политики, а политического, политической сферы или, точнее говоря, *агрегатного состояния* политического».² Иными словами, в годы, когда европейская политическая теория впервые позволила себе отдалиться от сюжетов, некогда навеванных последствиями господства нацизма, «политическое» стало привлекать внимание аналитиков не событийным, «внешнефилософским» (ориентированным на общезначимые события эпохи) а новым, прежде не знакомым очевидцам и не использованным исследователями *способом осмысления* политического бытия.

Важно иметь в виду, что к подобному переосмыслению политическая мысль обратилась не под влиянием Второй мировой войны, а несколько раньше – в момент осознания того, что прежние понятийные рамки, задававшие границы веками

---

¹ Schmitt C. Der Begriff des Politischen // Archiv für Sozialwissenschaften und Sozialpolitik. Bd. 58 (1927), S. 1 bis 33.

² Бёкенфёрде Э.В. Понятие политического как ключ к работам Карла Шмитта по государственному праву // Логос №5 [89] 2012. С. 159-160. [курсив наш – И.М., А.С.].

Ernst-Wolfgang Böckenförde "The Concept of the Political as the Key to Understanding Carl Schmitt's Constitutional Theory" in The Canadian Journal of Law and Jurisprudence, January 1997, Vol. 10, 5. (Translated by Heiner Bielefeldt from "Der Begriff des Politischen als Schlüssel zum staatsrechtlichen Werk Carl Schmitts (1988)"

действовавшим социально-политическим институтам. Эти рамки, утверждала «неклассическая» политическая теория, оказались размыты развитием самих европейских обществ и потому кажутся в настоящее время чем-то вроде ритуальных украшений, смысл которых чем дальше, тем больше утрачивается. В ситуации утраты функциональности политическими институтами общество оказывается в опасном состоянии подспудной делегитимизации общепринятых средств управления обществом, способов сохранения его реальной (а не прокламируемой) целостности. Такое состояние - в большей степени, чем превратности конкретной политической схватки фракций и партий – лишает общество его внутренней устойчивости. Высказывания К. Шмитта (как, например: «такие слова, как “государство”, “республика”, “общество”, “класс” и, далее, “суверенитет”, “правовое государство”, “абсолютизм”, “диктатура”, “план”, “нейтральное государство” или “тотальное государство” и т. д., непонятны, если неизвестно, кто *in concreto* должен быть поражен, побежден, подвергнут отрицанию и опровергнут посредством именно такого слова»³) заостряют внимание исследователей на необходимости модернизации принципов образования категориального аппарата политики. Подобное переосмысление позволило бы привести действующие социально-политические институты в соответствие с изменившимися жизненными реалиями.

Таким образом, говоря о «политическом» как «агрегатном состоянии», теоретики конца XX в. исходили, прежде всего, из факта ненадежности наличных политических институтов как концептуального основания размышлений о текущей политике. Именно отказ от общепринятых исходных точек рассмотрения делал возможными утверждения типа, того что у «политического» нет отдельной предметной области, поскольку «оно представляет собой скорее публичное поле отношений между людьми и группами людей, характеризующее степень интенсивности ассоциации или диссоциации, вплоть до различия «друга» и «врага», которое может черпать свой материал из любой предметной или жизненной сферы»⁴. Введенное в политическую теорию представление о «публичном поле» родилось из нежелания рассматривать конкретные ситуации политического взаимодействия современных людей в терминах институтов. Это отход от узко институциональной позиции (он, по нашему мнению, выражает в конечном счете стремление к обновлению институциональной структуры) открывает столь востребованное в современной политической философии пространство творчества нового.

Т.Адорно и пространство политического

Учитывая, насколько широким оказался отклик современников Шмитта на эту неявно присутствующую в его работах интенцию, не приходится удивляться тому, что в число авторов, так или иначе признавших влияние на них понятия «политического»,

---

³ Шмитт К. Понятие политического // *Вопр. социологии*. 1992. Т. 1. № 1. С. 37–67. С. 44.

⁴ Бёкенфёрде Э.В. Понятие политического как ключ к работам Карла Шмитта по государственному праву // *Логос* №5 [89] 2012. С. 160. Этот уровень концептуализации учения Шмитта вскрывает теоретическую иррелевантность возражений Х.Арендт, ограничивающей анализ «политического» сферой моральных оценок.

попал целый ряд ярких политических антагонистов консерватора Шмитта⁵. В частности, политико-философские концепции К. Шмитта и Т. Адорно разделили между собой ощущение быстро меняющегося облика европейского общества, нацеленность исследователей на обнаружение в современной модели функционирования этого общества новых закономерностей и явлений.

Так можно ли считать философские работы Адорно, морально-политический вектор которых всегда был противоположен шмиттовскому, причастными к развитию понятия «политического»? В утвердительном ответе на этот вопрос состоит главная задача настоящего исследования. Трудность признания релевантности теоретического наследия Адорно описанным выше установкам политической философии XX в. отчасти обусловлена тем дефицитом исторически конкретного взгляда на его сочинения, который наблюдался в отечественной литературе вплоть до 90-х годов прошлого столетия. Сказанное, конечно, не означает, что исследования наследия «франкфурцев» были односторонними: еще в 70-е годы философия Адорно была объектом углубленного исследования В.А. Подороги - однако, в печать удавалось просочиться только той части подобных работ, которые попадали под рубрику «неомарксизм»⁶. Соответственно, с начала 90-х интерес к философии франкфуртской школы формировался по принципу восполнения ранее не включавшихся в рассмотрение сторон его учения. В этом контексте оставленной вне сферы видимости оказалась уже политико-философская часть работ Адорно. Что касается синтетического взгляда на идейное наследие философа, его полнота и сейчас оставляет желать лучшего. В отечественной традиции XX века вклад Франкфуртской школы на протяжении десятилетий изучался на основе программного произведения основателей школы М.Хоркхаймера и Т.Адорно «Диалектика Просвещения». Этот труд представляет собой подборку фрагментов, которые (в силу их разноплановости) порождают в читателях потребность в масштабном историческом видении некоего нового исторического феномена. Суть его, согласно авторам сочинения, составляет катастрофический процесс превращения в свою противоположность исходных принципов развития европейской цивилизации эпохи модерна⁷. Центральным «действующим лицом» анализируемого процесса является человеческая субъективность, экзистенциальная ситуация которой составляет для франкфуртцев главную экзистенциальную проблему: «Пробуждение субъекта куплено ценой признания власти в качестве принципа всех отношений»⁸.

---

⁵ См., напр., журнал *Canadian Journal of Law and Jurisprudence* (Volume 10, Issue 1, January 1997), целиком посвященный К.Шмитту; среди авторов – Ш. Муфф («Карл Шмитт и парадокс либеральной демократии»), У. Шейерман («Революции и конституции: вызов Ханны Арендт Карлу Шмитту»), Э.В. Бёкенфёрде («Понятие политического как ключ к работам Карла Шмитта по государственному праву») и др.

⁶ См., например: Подорога В.А. Проблема языка в негативной философии Т.В.Адорно. // Вопросы философии. 1979. 3 11; его же: Законы и методы «негативной диалектики» // Т.В. Адорно: критика современного «неомарксизма». М.: ИФРАН, 1981.

⁷ Кузнецов М.М. Теодор В.Адорно – философ неидентичности // История философии. Вып. 10. М.: ИФ РАН, 2003.

⁸ Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика Просвещения / Перевод с немецкого М.М.Кузнецова. М.-СПб.: 1997. С 22.

Попытки поиска гносеологических корней исторической концепции Адорно указывают на существенную роль в его философии кантовских представлений о познании как деятельности познающего субъекта. Уже в работах М. Хоркхаймера, соратника Адорно в работе по созданию Франкфуртской школы, присутствует решимость развивать критическую направленность классической школы европейской философии. Классической является и заявленная Хоркхаймером цель критики – установление истинного значения исследуемого объекта. Но такая оценка неразрывно связана в его понимании с критикой общей картины исторического процесса. Исторический подход позволяет Хоркхаймеру, в частности, критически анализировать методологию «наук о духе».

В целом понимание истории является у Хоркхаймера и Адорно весьма неоднозначным. Под историей они понимают как практическую, так и познавательную деятельность людей, их историзм демонстрирует явные черты классической европейской философии истории в духе Гегеля: история как процесс развертывания Духа, объективированного как в человеческом разуме, чисто духовных образованиях (культуре, политике, религии, праве, искусстве, философии), так и в соответствующих институтах государства. Как и у Гегеля в исторических концепциях Хоркхаймера и Адорно центральным является понятие духа, содержащее отсылку к понятию Абсолюта. Так же, как и у Гегеля, абсолютный дух имеет объективации в конкретно-исторических формах (правилах, нормах, политических стратегиях и институтах), что позволяет человеку дифференцировать объекты собственного сознания от объектов меняющегося мира. В «Диалектике просвещения» этот тезис положен Хоркхаймером и Адорно в основу главы «История субъективности в древности». Осознав, что социальный мир историчен по своей сути исследователь должен анализировать природу исторического сознания, исходя из целого, постепенно реконструируя самые маленькие, атомарные его составляющие.

Все сказанное до сих пор о взглядах основателей Франкфуртской школы на философию истории, в принципе, не противоречит классической философской парадигме и, кажется, позволяет причислить Хоркхаймера и Адорно к защитникам подходов и методов, свойственных европейской философской классике. Однако, в таких работах, как «Диалектика Просвещения», мы находим темы, через рассмотрение которых М. Хоркхаймер и Т. Адорно присоединяются к современным постановкам вопроса. Сознание историчности социального мира, пишут они, заставляет исследователей, удерживая представление о целом, заниматься постепенным реконструированием его частных, атомарных частей.

Осознав, что социальный мир историчен по своей сути, исследователь должен анализировать природу исторического сознания, исходя из целого, постепенно реконструируя самые мелкие, атомарные его составляющие. Так возникает образ истории и как цепь единичных событий, и как целостности, в совокупности это дает конкретизацию исторического сознания как предмета социальных наук⁹.

Философские фрагменты, опубликованные под названием «Диалектика

---

⁹ Horkheimer M. Fragen der Geschichtsphilosophie [Vorlesungsnachschrift von Alfred Schmidt] // Horkheimer M. Gesammelte Schriften. Bd. 13. Fr.a. M., 1987. S. 277–280.

Просвещения», послужили предпосылкой для создания теории временного единства мифа и просвещения, их взаимопревращения. Подобная динамика представляет собой форму негативного воспроизведения истории; со временем она позволила франкфуртцам выработать определенную формулу развития истории. То, что обычно принимается за историю, рано или поздно оказывается видимостью – природой, обреченной на вечное самоповторение. Неспособность природы и истории одержать верх друг над другом заставляет мыслить «историческое» как зависимость от той или иной конstellации противоборствующих факторов. «То, о чем здесь идет речь, суть принципиально иная логическая форма, чем развитие из "наброска", который учреждает основание общей понятийной структуры. Эту иную логическую структуру саму здесь нельзя анализировать: она — конstellация; и имеет дело не с прояснением (Erklären) понятий одно из другого, но с конstellацией идей, а именно с идеей падшести (Verganglichkeit) значений, идеей природы и идеей истории. Но все это не воспринимается (берется, сводится) как "инварианты"; то, что она изыскивает и должна изыскать, не есть интенция вопрошания, она собирает вокруг себя конкретную историческую фактичность, которая в связи каждого момента включает его уникальность»¹⁰. Такая постановка проблемы историчности приводит Адорно к методу негативной диалектики, так как в спектр ее возможностей попадает умение мыслить на грани распада окружающей человека действительности. В частности, Адорно критикует гегелевскую систему за то, что та «не была истинно в себе становящимся; система имплицитно присутствовала и мыслилась в каждом определении»¹¹. Вместо того, чтобы раствориться в практике человечества (как считал Гегель) философия сохранилась в форме временного существования. Подобная ситуативность возвращает Адорно к необходимости определения границ взаимодействия теории и практики как таковых. «Во времена великих потрясений философия должна стать практической, но сама практика философии – теоретическая»¹². По мнению Адорно, диалектика как способ философствования позволяет исследователю справляться с постоянно возникающими противоречиями. Так понимаемая диалектика при столкновении с фактами, опрокидывающими прежнюю концепцию, готова к встрече с новыми возможностями.

До сих пор предметом рассмотрения было движение мысли Т. Адорно от историко-философских и когнитивных тем (вопросов истинности, трактовки диалектики) к тематике политико-философской, а именно, к постановке вопроса о важных подвижках в самой структуре капиталистического общества, произошедших в XX в. (тема массового общества). Эта часть его учения известна резко-критической оценкой выявленной немецким философом динамики развития западного общества. Отталкиваясь от марксова учение о капитализме, Адорно утверждал, что в XX в.

---

¹⁰ Adorno Th.W. Philosophische Frühschriften. Bd. 1. Fr. a. M., 1976. S. 358-359 // Цит. по: Подорога В. Память и забвение. Т. В. Адорно и время «после Освенцима» // Новое литературное обозрение. 2012. № 116 (4). [Электронный ресурс] – URL: <<http://www.nlobooks.ru/node/2527>>

¹¹ Адорно Т. Негативная диалектика. М., 2011. С. 42.

¹² Аттали Ж. Карл Маркс: Мировой дух. М., 2008. С. 56.

действие капиталистических общественных отношений достигло качественно новой фазы. Принципы обмена, помимо того влияния, которое, согласно Марксу, они оказывают на производство и потребление (занимают львиную долю жизни человека в обществе), также распространили свое влияние на другие сферы, включая межличностные отношения. Индивиды «не связываются друг с другом непосредственно»; они видят себя и рассматриваются другими как «экономические субъекты», определенные почти исключительно посредством их зарплат и их уровнем потребления¹³.

Трансформация производительности труда в некое абстрактное количество, чистую меру меновой стоимости на капиталистическом рынке, находит своего двойника в сфере потребления. Продаваемые рекламным агентствам и промышленным концернам как товары, статистические данные, собранные о возрасте потребителей, поле, привычках потребления, социальной принадлежности, симпатиях и антипатиях классифицируются и ранжируются в маркетинговых агентствах. Потребители классифицируются по их принадлежности к сериям абстрактных и фрагментированных категорий, определяющих их покупательную способность. Современная ситуация внушает людям, что они и сами должны смотреть на себя, исходя из соразмерности их покупательной способности уровню их дохода. Рекламодатели и производители культурных товаров настаивают на том, чтобы индивидуумы «вели себя... в соответствии с их предварительно определенным и проиндексированным уровнем, и выбирали категорию массового продукта, предназначенную для своего типа»¹⁴. Признавая, что его наблюдения, возможно, трудно подтвердить эмпирически, Адорно тем не менее настаивал на том, что экономические отношения в рамках позднего капитализма, наряду с текущим уровнем промышленного развития, сделали из потребителей и их нужд «нечто, выходящее за рамки наивных представлений»¹⁵. В настоящее время потребностями занимаются рекламные агентства и культур-индустрии (среди прочих институтов и организаций), приводя их в соответствие с интересами прибыли собственников средств производства. Индивиды, занимающие согласно принципу обмена, господствующее положение в качестве потребителей и производителей, превратились в простых «агентов и носителей меновой стоимости»¹⁶.

Адорно в оппозиции к неклассической философии

Переходя к описанию более позитивной части теоретического послания Т. Адорно, следует отметить связь ее с достаточно разноплановым спектром работ, соединенных между собой единым методологическим подходом: вопросы политической философии представлены здесь вплетенными в ткань историко-философского анализа понятий. Такой анализ служит для Адорно средством

---

¹³ Adorno T. W. *Sociology and Psychology*, trans. Irving N. Wohlfarth, *New Left Review* 46, 1967. – pp. 67-80. P. 74.

¹⁴ Horkheimer M., Adorno T. W. *Dialectic of Enlightenment*, trans. John Cumming. New York: Continuum, 1972. – 304 p. P. 123.

¹⁵ Adorno T. W. *Society*, trans. Fredric Jameson, *Salmagundi* 3, nos. 10-11. 1969-70. – pp. 144-153. P. 148.

¹⁶ *Ibid.*, 148-149.

разрешения определенных когнитивных, а в конечном счете – также и общемировоззренческих затруднений. Достижение этой стадии позволяет автору органично перевести внимание читателя на те аспекты человеческой субъективности, в раскрытии которых он видит одну из главных своих целей (в «Негативной диалектике» эта цель описана преимущественно в терминах обретения способности *критически* воспринимать все то, что причисляется современными ему школами мысли к сфере субъективного). Эта задача сформулирована в первых строках названного труда; в них Адорно отдает должное влиянию на него идей В.Беньямина¹⁷.

В этой связи наиболее частным объектом критики Адорно становится философия М.Хайдеггера. Критику его феноменологической концепции стоит сопровождать упоминанием культурно-исторической обусловленности теоретического ракурса, принятого в работах Хайдеггера. Историческим контекстом, повлиявшим на особенности позиции Хайдеггера, послужила, согласно ряду авторов, тенденция массового отхода от христианства значительной части населения Европы. Хайдеггер как человек с крепкими крестьянскими корнями мог почувствовать напряжение, созданное этим переходом простых людей к новой, отчасти уже нерелигиозной картине мира. Вот как подается эта тема в современной блогосфере: «Проблема была в том, что для большинства европейцев того времени весь прошлый жизненный опыт был ритуально размечен. Всерьез вообразить себе возможность иного порядок, было для них практически невозможно. Разумеется, все это было «пока», и образцы светской бытовой культуры уже активно синтезировалась в различных арт-средах. Однако здесь и сейчас разочарованные верующие нуждались в практике, совмещавшей в себе привычный настрой церковной службы с первым опытом безбожия. Для многих, особенно в Германии тридцатых годов, эту роль удачно сыграл экзистенциализм в версии Хайдеггера, Ясперса и некоторых других авторов. Он и позволял до определенной степени совместить привычную торжественность обряда с цинизмом растущих городов»¹⁸. Это мировоззренческую внутреннюю рассогласованность хайдеггеровской феноменологии уловил и поднял до уровня философской проблемы Т. Адорно: философия Хайдеггера в частности противостоит господствующему социальному порядку на уровне декларативном, но поддерживает его на уровне «сущностном». Как пишет поэтому по поводу Адорно в книге «Жаргон подлинности», «Никто еще не сумел сочинить метафизического положения, которое не было бы констелляцией элементов опыта, но мыслительная привычка сублимировать базовый опыт метафизики до метафизического страдания и отделят его от страдания реального, которое и вызвало его к жизни, сводит этот опыт на нет»¹⁹.

Вместе с тем, критика феноменологии и ее представителей не означала для Адорно тотального отрицания этого нового философского направления. Для того чтобы

---

¹⁷ По воспоминанию Адорно, в 1937 г. Беньямин посоветовал ему «целенаправленно и последовательно преодолевать границы ледников абстракции» // Адорно Т. Негативная диалектика / Перевод с немецкого Е.Л.Петренко. М.: Научный мир, 2003. С. 11

¹⁸ По поводу книги : Адорно Т. Жаргон подлинности. О немецкой идеологии. М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2011 г. 192с. // URL.: http://actualcomment.ru/zhargon_podlinnosti.html - дата обращения 19/03/2018.

¹⁹ Адорно Т. Жаргон подлинности... С. 46.

оценить степень созвучности взглядов Адорно важным подвижкам, произошедшим в XX в. в способах философствования, следует обратить внимание на тот факт, что хотя между ним и М.Мерло-Понти не существовало идейных контактов и сколь-нибудь заметного взаимного интереса (они пользовались разными методами и разной терминологией), все же объективно их философские концепции обладают определенными сходствами. Эти сходства не случайны в том смысле, что отражают некоторые тенденции философского поиска в середине XX в. Поэтому некоторые из их идей и подходов можно считать взаимодополняющими.

Т.Адорно и М.Мерло-Понти: варианты феноменологического подхода к развитию

Среди исследователей творчества Мориса Мерло-Понти преобладает мнение, что феноменология Гуссерля была осмыслена им как эволюционировавшая к идеям философии жизни и экзистенциализма – «Однако Мерло-Понти не был ни типичным феноменологом, ни экзистенциалистским автором. Он, как справедливо отмечает П. Рикер, стремился выйти за пределы феноменологии и экзистенциализма, “преодолеть Гуссерля и Хайдеггера”»²⁰. Более подробно о позитивном восприятии им философского вклада Э. Гуссерля можно судить по Предисловию французского философа к своей книге «Феноменология восприятия». Мерло-Понти, как и Адорно, считал идеи Гуссерля основополагающими для собственного философского проекта; его расхождение с Адорно состоит в том, что немецкий философ акцентирует наличие противоречий в гуссерлевской концепции, в то время как Мерло-Понти стремится показать моменты принципиальной общности между собственным учением и теорией своего учителя. Феноменология Мерло-Понти, центральным понятием которой было воплощение, задумывалась французским мыслителем как продолжение антикартезианского направления мысли у позднего Гуссерля. Мерло-Понти подчеркивал мысль о телесном воплощении человеческого сознания, стремясь тем самым преодолеть картезианский дуализм «эмпиризм - интеллектуализм». Исследуя структуры повседневного опыта, он «не преследует цели постижения объективных истин человеческого познания, а позиционирует собственный проект как продолжающееся, незавершенное исследование лишенных статичности понятийных структур»²¹. И в этом подходе также просматривается сходство с Адорно. Адорно же (несмотря на то, что феноменология Гуссерля представлялась ему идеалистической), ценил в этой философии, прежде всего, перенесение автором внимания исследователя с объекта на живой непосредственный опыт. Отрицая естественнонаучную установку, подчиняющую философский анализ принципу механической причинности, Гуссерль преследует цель создания истинной науки. Он считает наивными точные науки, не ставящие под вопрос собственные концептуальные основания (по их мнению, эти основания просто «даны» им), между тем как в действительности они представлены субъекту познания его непосредственным опытом. Начальный этап познания как

²⁰ Вдовина И. С. М. Мерло-Понти: от первичного восприятия — к миру культуры// Адорно Т. Негативная диалектика / Перевод с немецкого Е.Л.Петренко. М.: Научный мир, 2003.581-595. С.582.

²¹ См.: Wallace F. Adorno, Merleau-Ponty and the Structures of Experience. Dublin, 2014. P. iv.

таковой не дан ему; восстановить это недостающее звено призван разработанный Гуссерлем метод феноменологической редукции. В этом пункте как Адорно, так и Мерло-Понти расходятся с Гуссерлем; каждый противопоставляет ему собственное неповторимое видение.

У Мерло-Понти связующим звеном между чистым интеллектуальным субъектом и эмпирическим объектом выступает «собственное тело — это третий, всегда подразумеваемый член структуры «фигура—фон», и всякая фигура вырисовывается на двойном горизонте пространства внешнего и пространства телесного», как таковое, телесное содержание «остаётся по отношению к ней чем-то непроницаемым, непредусмотренным и непостижимым.»²² Наличие такого промежуточного звена обосновано тем, что «телесное пространство может быть фрагментом пространства объективного, если в рамках собственного своеобразия как телесного пространства оно содержит диалектический фермент, который преобразует его в пространство универсальное»²³.

У Адорно, при всей непохожести его рассуждения на вышеописанное, общая логика рассуждения также указывает на движение, смещение понятий. В случае с Адорно, это движение имеет самое непосредственное отношение к реальной истории: «То, что в нетождественном не поддается определению в его понятии, выходит за пределы его единичного наличного бытия; единичное Dasein нетождественное сжимается в точку исключительно в границах противоречия с понятием, сосредоточиваясь на самом понятии. Внутреннее нетождественного — это отношение к тому, что не есть оно само и что изначально заложено, преформировано осуществленным, застывшим, тождеством с самим собой. Нетождественное обретает себя в своей экстерииоризации, а не в жесткости; это еще один момент, которому можно научиться у Гегеля, не принимая репрессивных моментов его учения об отчуждении. Объект раскрывается в монадологической устойчивости, являющейся сознанием констелляции, в которой он находится: возможность погружения во внутреннее нуждается для своего осуществления во внешнем. Такая имманентная всеобщность единичного, однако, объективно суть седиментированная история. *История — в единичном и вне его; для единичного история — непостижимое, в границах которого и есть его прибежище.*»²⁴

Просвещенческий разум в исторической перспективе

Здесь же, в «Негативной диалектике» Адорно уделяет много места доказательству того, что феноменологический метод Гуссерля и Хайдеггера (как и многих других философов классического периода) не спасает человеческую субъективность от «наползания» на нее объективистской догматики. Этот вывод заставляет Адорно вспомнить о ненависти Ф.Ницше к понятию системы:

«...система обосновывает всего лишь академическую педантичность, компенсирующую политическое бессилие понятийными конструкциями о праве

²² Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. М.: «Наука», 1999. С. 140.

²³ Мерло-Понти М. Цит. произв. С. 141.

²⁴ Адорно Т. Негативная диалектика... С. 150. [*курсив наш — И.М., А.С.*]

понятий (чуть ли не административном) распоряжаться существующим. Но сама потребность в системе <...> была подчас значительно большим, чем псевдоморфозой духа в математически научный метод, который ничему не противится и ничему не противостоит. С точки зрения истории философии системы, в частности, системы семнадцатого столетия, преследовали компенсаторскую цель. Тот самый ratio, который в соответствии с интересами буржуазного класса разрушил феодальные порядки и форму их духовной рефлексии – схоластическую онтологию, ощутил угрозу, которую таит разрушение – дело его собственных рук, в отличие от страха перед хаосом. Ratio содрогается, пугаясь того нечто, что вырастает в недрах сферы его господства, продолжает расти и набирать силы пропорционально могуществу самого ratio.»²⁵.

Уже из этого высказывания видно, как свойственный мысли Адорно пафос защиты принципов разума, сталкиваясь с культурно-историческими реалиями XX века, диалектически превращается в критику просвещенческого разума, столкнувшегося с социально-политическими трансформациями Нового времени:

«Буржуазное сознание, фиксируя малейшие признаки, свидетельствующие о несовершенстве его эмансипации, с необходимостью пугается самой возможности быть присвоенным и упраздненным сознанием более прогрессивным, оно подозревает, что, не являясь совершенной свободой, оказывается лишь карикатурой на нее; поэтому это сознание расширяет свою автономию теоретически, превращает в систему, напоминающую собственный механизм принуждения. Буржуазный ratio пытается "из себя" создать порядок, который он подвергал отрицанию, копировал во внешнем. Таким абсурдно-рационально созданным порядком и была система: предполагаемое, выступающее в качестве бытия в себе (Ansichsein)»²⁶. Источники системы усматривались в формальном мышлении, отделившимся, обособившимся от своего содержания; это был единственный способ, которым мышление могло осуществлять свое господство над материалом. Философская система изначально характеризовалась антиномичностью. Она представляет собой некий баланс между предрасположенностью и невозможностью. И, как следствие:

«философская система уже вынесла приговор собственной истории в новое время – уничтожить каждую предыдущую систему последующей. Ratio, который для того, чтобы полагать себя в качестве системы, виртуально уничтожает все качественные определения, с которыми соотносится, впадает в непримиримое противоречие с объективностью; над ней он совершает насилие, напрасно надеясь познать эту объективность»²⁷. И чем лучше соответствует объективности требованиям просвещенческого разума, тем дальше оказывается сам он от объективности, тем хуже подчиняется он аксиоме тождества. «Педантичность любых философских систематик, включая архитектурную затрудненность кантовской и (вопреки ее программе) даже гегелевской – это метки неудачи, а ratio обусловленной и с неподражаемым красноречием запротоколированной в обвалах системы Канта; уже для Мольера педантичность была главным фрагментом онтологии буржуазного духа. То нечто,

²⁵ Адорно Т. Негативная диалектика... С. 28-29.

²⁶ Там же.

²⁷

которое перед лицом тождества понятия отступает в познаваемом на задний план, принуждает понятие утрированно демонстрировать себя.»²⁸

Особенно мрачно выглядят эти утверждения на фоне того конкретно-исторического контекста, в которые погружает их Адорно - «теоретик нетождественности»; именно контекст делает лозунг антисистемности равнозначным требованию пересмотра самого понятия разума. В эпоху капитализма «буржуазное *ratio*», эта особенная форма разума, характерная для общества предпринимателей, стремится интегрироваться в систему и постепенно сливается с ней. За «разумом предпринимателей» следует теоретический разум: в нем также не находится места многим идеям и понятиям, традиционно считавшимся атрибутами философии. Однако, лидирующая роль остается за социально-политической реальностью, в рамках которой антиномия целостности, тотальности (*Totalitat*) и бесконечности «подражает центральной антиномии буржуазного общества. Согласно ей, чтобы сохранить себя, не измениться – чтобы "быть", общество должно постоянно идти вперед, выходить за свои собственные границы, постоянно расширять эти границы, постоянно изменяться»²⁹. Но сама сущность буржуазного общества как системы препятствует такого рода движению, поскольку истинное изменение предполагает способность мира человека изменить саму понятийность, «вернуть ее к нетождественности» в качестве момента диалектической логики. «Понимание конститутивного характера непонятийного, как оно присутствует в понятии, сводит на нет принуждение тождества»³⁰.

Таким образом, философ ставит перед современностью сложную задачу – сохранить верность принципу разумности в ситуации системного принуждения, признавая, в то же время, что «*Ratio* превращается в иррациональное в той сфере, где разум забывает, что гипостазировать свои продукты, абстракции в противоположность смыслу мышления. Заповедь автаркии *ratio* приговаривает его к пустоте, а в итоге – к глупости и примитивизму».³¹ Выход из создавшегося тупика представляется Адорно опять же в терминах культивирования человеческой субъективности: «Духовно противостоять этому миру могут только те, кто еще не совсем 'смоделирован'».³²

Мир «первых людей» против мира «последних»

Парадоксальным образом, картина мира, обозначенная предлагаемым Адорно способом выхода из тупика, эта «картина» своей центрированностью на не совсем «смоделированном», уцелевшем носителе субъективности не может не казаться нам зеркальной противоположностью образному строю ницшевских грез (см. «Так говорил Заратустра»), в центре которого – антигерой, «последний человек», о скором пришествии которого возвещает Заратустра. Ницшевский антигерой - «последний», потому что он олицетворяет собой путь в пропасть всей Западной цивилизации. Ему и противопоставляет Адорно носителя истинной субъективности. Но осуществить подобный замысел - противопоставить ницшевскому антигерою спасителя

²⁸ Там же.

²⁹ Там же, с. 34.

³⁰ Там же, с.21.

³¹ Там же, с. 41.

³² Там же, с. 47.

цивилизации, прибегнув при этом к концептуальными средствами скомпрометировавшего себя Ratio - невозможно. Отсюда стремление Адорно к расширению предметной базы поиска. Г.Г.Соловьёва в статье «Теодор Адорно и его “Эстетическая теория”: современный взгляд»³³ подчеркивает, что главное достижение автора данного труда лежит за пределами эстетики как таковой. Посредством вхождения в эстетическое пространство Адорно отыскивает «необычные средства для выражения страдания на языке понятия— констелляция и паратаксис»; с их помощью он пытается найти иную рациональность и, соответственно, иной язык для выражения того, что не может быть сказано на языке современной ему эпохи. Важно отметить, что в контексте неклассической философии XX в. эти поиски гармонично переплетаются с феноменологической социологией А.Шюца, известного развитием гуссерлевского тезиса о *естественной установке* сознания в жизненном мире и представлением о «многомирности» этого последнего.³⁴

Подходя к детальному рассмотрению метода, примененного немецким философом, уточним, что подобное объяснение интереса Адорно к сфере искусства и эстетики не уникально. Аналогичный смысл вкладывает в его «Эстетическую теорию» Роберт Халлот-Кентор, автор современного английского перевода этого произведения³⁵. Обращаясь к культурным предпосылкам вовлеченности Адорно в эстетическую проблематику, он пишет, что в раскрываемом философом понимании Просвещения присутствует некое нетривиальное, «скрытое» содержание. При помощи его осуществляется в работе Адорно рассмотрение некоторых характерных для Просвещения понятий. Исходной в его интерпретации Просвещения является тема стремления господствовать над природой - стремления, присущего восходящей к власти субъективности. Увлеченность этой темой обуславливает интерес Адорно к созданию собственной эстетической теории: будучи философом современности, он желал уйти от устоявшегося подхода эстетики к искусству как чему-то, находящемуся вне ее самой, он стремился заставить ее изучать искусство *изнутри*, дабы оно смогло наконец транслировать вовне себя некое уникальное содержание, доступное пока только эстетике. Это позволит человеческой субъективности взять из эстетики то содержание, которого не найти в иных сферах бытия. По мнению Адорно, современный номиналистический тип знания, зачастую граничащий с иррационализмом, имеет тенденцию игнорировать эстетический способ познания. В таких понятиях, как красота природы, красота в искусстве, истинность, сходство и другие фундаментальные понятия эстетики, враждебный эстетике номиналистический тип познания видит лишь

³³ Соловьёва Г.Г. Теодор Адорно и его «Эстетическая теория»: современный взгляд // Историко-философский ежегодник. 2010. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2011. С. 145-170.

³⁴ См.: Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом/ Н.М. Смирнова Послесл.. М.: РОССПЭН, 2004. – 1056 с. Наличие некоего духовного родства с Адорно признавал сам Шюц: в его феноменологической социологии музыка и сочинение музыки почитались за образцовые реализации смысловых структур в социальных отношениях, по мнению Шюца, непревзойденным теоретиком музыки был в этом смысле именно Адорно. См.: Schütz A. *Schriften zur Musik*. Konstanz: UVK Verlag, 2016.

³⁵ Hullot-Kentor R. Translator's Introduction // Theodor W. Adorno Aesthetic Theory / Gretel Adorno and Rolf Tiedemann, Editors. New York - London: Continuum, 2002. P. xii.

репрессивность и «избыточность», свойственные веку, пронизанному верой в абсолюты. Но такое восприятие отношений между искусством и человеком – притом, что оно является порождением тяги субъективности в эпоху модерна к тому, чтобы овладеть материальным – отнюдь не должно исчерпываться импульсом к господству. В эстетической теории Адорно присутствует ожидание того, что привносимые эстетикой понятия, будучи *освобождены от принуждения к господству*, продемонстрируют заложенный в них потенциал установления партнерских отношений со всем тем, над чем ранее они стремились господствовать. Сейчас эти понятия все еще несут на себе отпечаток принуждения, но они научатся быть носителями контактов с иными сущностями. В будущем понятия эстетики должны стать памятью самой природы, ее «отложениями» в сфере эстетического восприятия. По мнению Адорно, такие «отложения» обретают в эстетической теории форму неосознанной, реализуемой в процессе мимезиса истории человеческих страданий (Просвещение же имеет тенденцию отгораживаться от всего этого). Именно это содержание способно, по мысли Адорно, оказывать сдерживающее воздействие на борьбу разума за господство, перенаправляя его силу на достижение реального освобождения.

По сути, цель творческих изысканий Адорно, как она представлена Халлот-Кентором в предисловии к «Эстетической теории», обладает отчетливой *этико-политической направленностью*. Нетривиальность замысла немецкого политического философа поражает воображение: если наличная социально-политическая действительность герметизирована и не оставляет индивидуальности зазора для «маневра» с целью самоэмансипации, то необходимый просвет свободы следует искать в иных сферах человеческого бытия. Адорно не просто указывает на эстетику как на некое потенциально освободительное пространство. Он берет на себя миссию разрушителя всего, что является в этом пространстве «следами принуждения к господству», и обнаруживает эти следы на уровне общепринятого языка, точнее, присущих современному языку синтаксических конструкций. Собственно, сам выбор этого уровня «практической борьбы» с угнетением совсем не нов: уже у Ницше находим мы указание на глубинный характер отношений господства и подчинения («Право господ давать имена заходит столь далеко, что позволительно было бы рассматривать само начало языка как проявление власти господствующих натур; они говорят: “это есть то-то и то-то”, они опечатавают звуком всякую вещь и событие и тем самым как бы завладевают ими)»³⁶. Непосредственный процесс освобождения от корнящихся в языке пут порабощения индивидуальности принимает в эстетической теории Адорно форму переосмысления понятий эстетики в терминах «паратактности». Этот способ трансформации традиционно изложенных мыслей состоит в игнорировании языковых структур синтаксического подчинения, неизменно присутствующих как в повседневной, так и в научной и художественной речи. Тем самым, по замыслу Адорно, достигается эффект исключения из языка встроенной в него системной философской интенции, т.е. совершается критическая экспликация некой части выражаемых при помощи синтаксиса смыслов, которая привнесена в них

---

³⁶ Ницше Ф. К генеалогии морали. Полемическое сочинение // Ницше ф. Сочинения в 2-ч тт. Т.2. М.: Мысль, 1990. С. 416.

помимо сознательного решения носителей языка. Подобное очищение есть путь к реализации присущего подлинной индивидуальности неприятия состояния зависимости (вспомним древнюю латинскую мудрость: *in maxima potentia minima licentia*³⁷). Адорно, как уже было показано выше, придает этой поговорке сугубо современное звучание, показав на примере функционирования современного капитализма возрастающую деградацию личности (субъекта), постигающую индивидуальность в результате попыток человека обеспечить собственное доминирование над объектом. Но если человечество, борясь с неким «объектом», подчиняет себя необходимости самой этой борьбы и оказывается в состоянии зависимости от «внешнего», то возможность *эмансипации субъекта* коренится в его способности *эмансипировать свой объект*. Но для этого от субъекта требуется мобилизация всей его спонтанности. Это возвращает нас к главному программному требованию политико-философского проекта Адорно: *преодоление насаждаемой видимости субъективности достижимо только субъективными средствами*. В действительности же, признает Адорно, субъективность современного человека иллюзорна, поскольку опыт его опустошен. Фактически, его нет. Причина тому – властное поглощение всех сторон человеческого бытия экономической сферой. Происходящие в самой сердцевине экономики процессы концентрации и централизации, утверждает философ, неизбежно притягивают к себе всевозможные бессвязные явления. Если что-то после этого и остается вне поля притяжения экономических процессов в виде самостоятельно существующих единиц, то это – исключительно данные официальной статистики; эти последние оказывают влияние на всю духовную жизнь общества, вплоть до тончайших духовных ее «прожилок», так что часто не удастся даже выяснить, каким именно путем, с помощью каких «посредников» осуществляется их влияние. «Живая персонализация, фальшивый интерес к личности в политике, глупая болтовня о человеке в обстановке бесчеловечности адекватны объективной псевдоиндивидуализации; но поскольку никакое искусство невозможно без [истинной] индивидуализации, это становится для него непосильным бременем.»³⁸ Иными словами, целостное восприятие современного общества значительно релятивизирует утверждение о неодинаковой зависимости его составных частей от всепроникающего влияния «массовизации». Поэтому даже музыка как таковая не может считаться «парящей над» гнетущими реалиями существующей экономической системы – по крайней мере, «не музыка культурной индустрии, готовая к услугам идеологии и стремящаяся погасить малейшее раздражение несовершенством мира в заботливом и предупредительном удовлетворении всех и всяческих потребностей. И не камерная классическая музыка, имитирующая пресловутую триаду спекулятивной философии: единое само себя отрицает и опосредованное удовлетворенно возвращается к самому себе, скрывая в торжествующей целостности дискриминацию отдельных партий»³⁹.

³⁷ «Чем сильнее власть, тем меньше у нее свободы» (перевод с лат.)

³⁸ Адорно Т. Эстетическая теория / Пер. с нем. А. В. Дранова. М.: Республика, 2001. С. 48-49.

³⁹ Соловьева Г.Г. Указ. соч. С. 153-154.

«Эстетическая логика»: мимесис, метафора и констелляция

Последнее утверждение делает Адорно теоретиком самовозрождающейся индивидуальности. Смысловый центр этого учения составляет тезис Р.Зюнера о том, что в «Эстетической теории» Адорно производит замену дискурсивной логики эстетической⁴⁰ Особо отметим, что в такой замене нет ни грана эстетства: автора критической теории общества, при всей его любви к музыке, влечет все же не столько непосредственное эстетическое переживание, сколько те возможности, которые, по его мнению, открывает эта логика для реализации политико-философского «проекта» - мечты о возвращении в современность истинной субъектности, этого краеугольного камня эмансипации общества. «Логика искусства, парадоксальная с точки зрения норм и правил обычной логики, - пишет Адорно, - состоит в процессе выработки умозаключений без участия понятий и вынесения оценок. Выводы искусство делает из феноменов, разумеется, уже опосредованных духовно и в силу этого до известной степени логизированных». Но логический процесс самого искусства протекает во внелогической по своим объективным данным сфере. «Единство, которого произведения искусства достигают таким образом, сближает их с логикой опыта, как бы сильно ни отличались их образ действий, их элементы и их отношения от элементов и отношений практической эмпирии»⁴¹. Будучи не вполне оторвано от обычной логики, искусство способно даже впадать в заблуждение, чересчур доверяясь логическим формам изложения. И это не идет искусству на пользу, т.к. имманентная ему логика может оправдывать свое название лишь в том смысле, в каком мы говорим, например, о логике сновидений, «в которой чувство неизбежной и необходимой закономерной последовательности связано с моментом случайности. В той мере, в какой она отвлекается от эмпирических целей, логика в искусстве обретает некую призрачность, будучи одновременно и жестко структурированной, и расплывчатой, размытой. «Она могла бы действовать тем свободнее и несвязаннее, чем более косвенно предустановленные изначально художественные стили влияют на видимость логичного и освобождают отдельное произведение от тягот ее существования». В классических произведениях искусства, где обычной логике уделяется особенно много места, в качестве компенсации столь бесцеремонного вторжения логического начала часто допускаются особые - дополнительные - возможности, реализуемые в более смелой импровизации. «Но по мере возрастания логичности произведений искусства ее претензии становятся все более недвусмысленными, доходя до пародии в тотально детерминированных, выведенных из минимального исходного материала созданиях, обнажая всю условность логичности, все ее «как если бы». То, что сегодня кажется абсурдным, является негативной функцией неурезанной в своих правах логичности. Искусство ждет неминуемая расплата — ему приходится признать, что не бывает умозаключений без понятия и оценки.»⁴² У этой ситуации есть и другая сторона: в произведениях искусства идет процесс спонтанного, часто обретающего игровую форму ограничения чрезмерных притязаний логики, которыми наградила ее

⁴⁰ См.: Sünner R. Ästhetische Szientismuskritik. Zum Verhältnis von Kunst und Wissenschaft bei Nietzsche und Adorno. Fr. am Main—Bern—New-York: Peter Lang. 1986. S. 24.

⁴¹ Адорно Т. Эстетическая теория... С. 200-201.

⁴² Там же. С.202.

логоцентристская цивилизация. В описании этой стороны Адорно обращается к А.Шопенгауэру: его *principia individuationis* (т.е. пространство, время, причинность) возникли в искусстве, в сфере, в высшей степени индивидуализированной. В этой сфере они подвергаются разрушению вследствие действия иллюзорного характера искусства. Но именно это положение «придает искусству новый аспект, — аспект свободы. Благодаря свободе, вследствие вмешательства духа, контекст и очередность событий управляемы. В неразделимости духа и слепой необходимости логика искусства вновь напоминает о закономерности реальной последовательности событий в истории»⁴³. Иными словами, именно в сфере искусства мы обнаруживаем тот сплав «объективного мира» с человеческой субъективностью, который недостижим в научном познании.

Искусство, также как и наука, имеет дело с «внешним», при этом оно обладает возможностью оставаться приближенным к человеческой субъективности. «Если музыка «сжимает» время, а картина «свертывает» пространство, то тем самым конкретизируется возможность того, что все могло быть и иначе. И хотя возможности эти сохраняются, осуществляемое ими насилие не отрицается, но они утрачивают свой обязательный, требующий неукоснительного исполнения, характер. Как это ни парадоксально, искусство именно в этом плане, с точки зрения своих формальных компонентов, менее иллюзорно, менее ослеплено субъективно диктуемой закономерностью, чем эмпирическое познание.»⁴⁴

Обращая внимание на уникальную способность искусства частично снимать с человека бремя обязательности, неукоснительности «внешнего», Адорно не пишет о том, что подобное раскрепощение человеческого воображения отнюдь не является исключительной прерогативой «области иллюзорного», коей всегда оставалось искусство в его оппозиционности науке. Он не поднимает темы вовлечения культивируемого наукой художественного воображения в «реальные» сферы жизни общества, такие как наука и производство⁴⁵. Но сама эпоха модерна додумывает до конца эту часть его философского послания, ставя современных комментаторов перед очевидным выводом: «Философия и искусство, негативная диалектика и эстетика, полагает Адорно, конвергируют в своем истинном содержании. Свершаемое ими просматривается из единого пункта — спасения. Все остальное есть дело техники.»⁴⁶

О «технике» проекта спасения, развернутого в сочинениях Адорно об эстетике, говорилось в разделе о паратактном письме. Этот способ выражения мыслей, конечно, не равноценен тем средствам, которыми пользуется искусство – паратактный метод лишь пытается достичь схожих эффектов в сфере, где властвуют законы «нормальной» логики, и делает это путем как можно более полного очищения текста от ее репрессивного влияния. В понимании Адорно, этот метод призван обеспечить

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ «Бессознательная работа художественного воображения над смыслом произведения как моментом субстанциальным и опорным, способным нести на себе груз, ликвидирует смысл. Передовое художественное производство последних десятилетий стало фактом самосознания новой ситуации, нового положения дел, тематизировало его и включило в структуру произведений» (Адорно Т. Эстетическая теория... С.224.)

⁴⁶ Соловьева Г.Г. Указ. соч. С. 146.

самоэмансипацию человека (его субъективности) в процессе его «встречи» с конкретным текстом. Но гораздо более сильные эмансипирующие средства заложены в самом искусстве. Анализ этих имманентных искусству средств не предполагает изобретения каких-либо специальных техник: все, что нужно здесь — это выявить признаки *эстетической рациональности*. Так, «дух произведений искусства есть их объективированное миметическое поведение — поведение по отношению к мимесису и в то же время его форма в искусстве»⁴⁷. Вместе с тем, названные формы искусства присутствуют и в других видах духовного творчества; например, «*конstellация* свойственна и философии, и искусству. Однако векторы *мимезиса* имеют в них различные направления». Так, философия работает со всеобщим, понятийным, ей недостает «спасающего» все единичного миметического импульса, и потому «Именно мимезис призван покончить с логической иерархией, разрушить логоцентризм. Спасение единичного подразумевает преобразование, трансформацию понятийности. Причем, желаемую негативность, нетождественность привносит именно миметическое. В искусстве же нет нужды спасать единичное. Произведение само является его прибежищем. Его проблема, напротив — спасение всеобщего, что достигается через преобразование, одухотворение единичного. Причем, ответственной за открытость и негативность объявляется уже не мимезис, а именно *конструкция, конфигурация*.»⁴⁸

Еще одним мощным инструментом эстетической логики является *метафора* как средство обдумывания, опирающееся на многозначность понятий. И в этом свойстве метафоры также заключена оппозиционность эстетики обычной дискурсивной логике, неизменно отстаивающей однозначность. Между тем, еще Вико, Гаман и Ницше отмечали недооцененность метафоры как средства повышения производительности мышления. Согласно Адорно, неоднозначность метафоры позволяет автору текста вовлекать читателя в затейливую языковую игру, и, что самое существенное для нашего рассмотрения, результат такой игры может оказаться неожиданным для обеих сторон. А между тем, именно игра как соревнование человеческих волений в свое время была подробно проанализирована Ницше, увидевшим в игровом (соревновательном) отношении индивидуумов парадигмальный образ «политического»⁴⁹.

Выводы

Таким образом, в числе специфических черт, приемов и последствий их применения присутствует нечто такое, что, несомненно, объединяет две столь непохожие сферы человеческой деятельности, как искусство и политика. И в той, и в другой задействован элемент творчества, креативности, создания нового содержания. Конечно, источники креативности у искусства и политики разные. Если для произведений искусства акт творчества является насущной необходимостью, главной из его имманентных характеристик («их конститутивная непримиримость лишает их

⁴⁷ Адорно Т. Эстетическая теория... С. 406.

⁴⁸ Там же. С. 146-147 (*Курсив наш – И.М., А.С.*).

⁴⁹ См.: Мюрберг И.И. Свобода в пространстве политического. Современные философские дискурсы. М.: Идея-Пресс, 2009. С. 211-217.

самой возможности примирения»⁵⁰), то креативность политики – а политика так же, как и искусство, немыслима без противоречий – зависит от внешнего источника, то есть является во многом ситуативной. В этом смысле XX век, по мнению Адорно, объективно способствует сближению сфер «политического» и «эстетического»: «Некоторые исторические периоды, разумеется, обеспечивали более значительные возможности для примирения противоречий, чем современная эпоха, которая радикально отрицает его».⁵¹

Резюмируя сказанное выше, следует отметить, что именно XX век впервые обнажил дотоле скрытую связь между политикой и творчеством. Это видно уже из такого порожденного XX веком идеологизма, как «творчество масс». И хотя это политическое мышление Адорно связан не столько с феноменом «творчества масс», сколько с его нехваткой или даже с его полным отсутствием в контексте массового общества, вклад немецкого философа в развитие тематики политического творчества масс обладает (помимо общеизвестного потенциала *критического* отрицания наличной этико-политической стадии развития европейского общества) несомненным позитивным содержанием. Заявленная мыслителем цель теоретического преодоления характерного для XX в. кризиса субъективности силами самой субъективности дала ряд уникальных творческих решений. Сами по себе эти решения, как было показано выше, во многом определялись тем нетривиальным развитием, которое получила в XX в. как философия в целом (неклассический этап ее развития), так и политическая философия, политическая картина мира в частности. В разработанном Теодором Адорно учении об *эстетической логике* нашли отражение как глубокое, философичное авторское понимание диалектики субъективности в эпоху модерна, так и развитое историческое чутье, позволившее Адорно теоретически убедительно описать один из сохраняющихся в позднем модерне источников политической субъективности.

Литература

Адорно Т. Жаргон подлинности. О немецкой идеологии. М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2011. 192 с. // URL: http://actualcomment.ru/zhargon_podlinnosti.html (дата обращения 19.03.2018).

Адорно Т. Негативная диалектика. М., 2011.

Адорно Т. Негативная диалектика / Пер. с нем. Е.Л. Петренко. М.: Научный мир, 2003.

Адорно Т. Эстетическая теория / Пер. с нем. А.В. Дранова. М.: Республика, 2001. С. 48-49.

Аттали Ж. Карл Маркс: Мировой дух. М., 2008.

Бёкенфёрде Э.В. Понятие политического как ключ к работам Карла Шмитта по государственному праву // Логос. 2012. № 5 [89].

Вдовина И.С. М. Мерло-Понти: от первичного восприятия — к миру культуры // Адорно Т. Негативная диалектика / Пер. с нем. Е.Л. Петренко. М.: Научный мир,

⁵⁰ Адорно Т. Эстетическая теория... С. 276.

⁵¹ Там же.

2003. С. 581-595.

Кузнецов М.М. Теодор В. Адорно – философ неидентичности // История философии. № 10. М.: ИФ РАН, 2003.

Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. М.: «Наука», 1999. 140 с.

Муфф Ш. Карл Шмитт и парадокс либеральной демократии // Логос. 2004. № 6 (45). С. 141-153.

Мюрберг И.И. Свобода в пространстве политического. Современные философские дискурсы. М.: Идея-Пресс, 2009.

Ницше Ф. К генеалогии морали. Poleмическое сочинение // Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1990.

Подорога В. Законы и методы «негативной диалектики» Т.В. Адорно: критика современного «неомарксизма». М.: ИФ РАН, 1981.

Подорога В. Память и забвение. Т. В. Адорно и время «после Освенцима» // Новое литературное обозрение. 2012. № 116 (4).

Подорога В.А. Проблема языка в негативной философии Т.В. Адорно. // Вопросы философии. 1979. № 11.

Соловьёва Г.Г. Теодор Адорно и его «Эстетическая теория»: современный взгляд // Историко-философский ежегодник. 2010. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2011. С. 145-170.

Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика Просвещения / Пер. с нем. М.М. Кузнецова. М.-СПб.: Медиум, Ювента, 1997.

Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. Т. 1. № 1. С. 37–67.

Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / Пер. с нем. и англ. В.Г. Николаева, С.В. Ромашко, Н.М. Смирновой. М.: РОССПЭН, 2004. 1056 с.

Adorno, T. W. Society, trans. by Fredric Jameson, Salmagundi 3, nos. 10-11. 1969-70. 144-153 pp. P. 148.

Adorno, T. W. Sociology and Psychology, trans. by Irving N. Wohlfarth, New Left Review 46, 1967. 67-80 pp. P. 74.

Adorno, Th.W. Philosophische Frühschriften. Bd. 1. Fr. a. M., 1976. S. 358-359

Bielefeldt, H. "Carl Schmitt's Critique of Liberalism: Systematic Reconstruction and Countercriticism", The Canadian Journal of Law and Jurisprudence, January 1997, Vol. 10, 5. Published online: 9 June 2015, pp. 65-75.

Böckenförde, Ernst-Wolfgang. "The Concept of the Political as the Key to Understanding Carl Schmitt's Constitutional Theory", The Canadian Journal of Law and Jurisprudence, January 1997, Vol. 10, 5. (Translated by Heiner Bielefeldt from "Der Begriff des Politischen als Schlüssel zum staatsrechtlichen Werk Carl Schmitts (1988)")

Horkheimer, M. Fragen der Geschichtsphilosophie [Vorlesungsnachschrift von Alfred Schmidt] // Horkheimer M. Gesammelte Schriften. Bd. 13. Fr.a. M., 1987. S. 277–280.

Horkheimer, M. Adorno T.W. Dialectic of Enlightenment, trans. by John Cumming. New York: Continuum, 1972. 304 pp. P. 123.

Howse, R. From Legitimacy to Dictatorship and Back Again: Leo Strauss's Critique of the Anti-Liberalism of Carl Schmitt Canadian Journal of Law and Jurisprudence (Volume 10, Issue 1, January 1997) Published online: 9 June 2015, pp. 77-103.

Hullot-Kentor, R. Translator's Introduction // *Theodor W. Adorno Aesthetic Theory* / Gretel Adorno and Rolf Tiedemann, Editors. New York - London: Continuum, 2002. P. xii.

Kennedy, E. "Hostis not Inimicus: Toward a Theory of the Public in the Work of Carl Schmitt", *Canadian Journal of Law and Jurisprudence* (Volume 10, Issue 1, January 1997), Published online: 09 June 2015, pp. 35-47.

Leydet, D. "Pluralism and the Crisis of Parliamentary Democracy", *Canadian Journal of Law and Jurisprudence* (Volume 10, Issue 1, January 1997), Published online: 09 June 2015, pp. 49-64.

Mehring, R. "Liberalism as a "Metaphysical System": The Methodological Structure of Carl Schmitt's Critique of Political Rationalism", *Canadian Journal of Law and Jurisprudence* (Volume 10, Issue 1, January 1997), pp. 105-124

Mouffe, C. "Carl Schmitt and the Paradox of Liberal Democracy", *Canadian Journal of Law and Jurisprudence* (Volume 10, Issue 1, January 1997), pp. 21-33.

Schmitt, C. *Der Begriff des Politischen* // *Archiv für Sozialwissenschaften und Sozialpolitik*. Bd. 58 (1927), S. 1 bis 33.

Schütz, A. *Schriften zur Musik*. Konstanz: UVK Verlag, 2016. – 246 S.

Sünner, R. *Ästhetische Szientismuskritik. Zum Verhältnis von Kunst und Wissenschaft bei Nietzsche und Adorno*. Fr. am Main—Bern—New-York: Peter Lang. 1986. S. 24.

Wallace, F. *Adorno, Merleau-Ponty and the Structures of Experience*. Dublin, 2014. P. iv.

References

Adorno, T. Zhargon podlinnosti. O nemetskoi ideologii [Jargon der Eigentlichkeit. Zur deutschen Ideologie]. Moscow: Kanon+ROOI Reabilitatsiya Publ., 2011. 192 pp. [http://actualcomment.ru/zhargon_podlinnosti.html, accessed on 19.03.2018]. (In Russian)

Adorno, T. *Negativnaya dialektika* [Negative Dialektik]. Moscow, 2011. (In Russian)

Adorno, T. *Negativnaya dialektika* [Negative Dialektik], trans. by E.L. Petrenko. Moscow: Nauchnyi mir Publ., 2003. (In Russian)

Adorno, T. *Esteticheskaya teoriya* [Ästhetische Theorie], trans. by AV. Dranov. Moscow: Respublika Publ., 2001. P. 48-49. (In Russian)

Attali, J. *Karl Marks: Mirovoi dukh* [Karl Marx ou l'esprit du monde]. Moscow, 2008. (In Russian)

Böckenförde, E.W. "Ponyatie politicheskogo kak klyuch k rabotam Karla Shmitta po gosudarstvennomu pravu" [The Concept of the Political as the Key to Understanding Carl Schmitt's Constitutional Theory], *Logos*. 2012. № 5 [89]. (In Russian)

Vdovina, I.S. "M. Merlo-Ponti: ot pervichnogo vospriyatiya — k miru kul'tury" [M. Merleau-Ponty: From primary perception to the world of culture], in: T. Adorno, *Negativnaya dialektika* [Negative Dialektik], trans. by E.L. Petrenko. Moscow: Nauchnyi mir Publ., 2003. P. 581-595. (In Russian)

Kuznetsov, M.M. "Teodor V. Adorno – filosof neidentichnosti" [T. Adorno – philosopher of non-identity], *Istoriya filosofii*. № 10. M.: IF RAS, 2003. (In Russian)

- Merleau-Ponty, M. Fenomenologiya vospriyatiya [La Phénoménologie de la perception]. Moscow: Nauka Publ., 1999. 140 pp. (In Russian)
- Mouffe, C. "Karl Shmitt i paradoks liberal'noi demokratii" [Carl Schmitt and the Paradox of Liberal Democracy], Logos, 2004, № 6 (45), P. 141-153. (In Russian)
- Myurberg, I.I. Svoboda v prostranstve politicheskogo. Sovremennye filosofskie diskursy [?]. Moscow: Ideya-Press, 2009. (In Russian)
- Nietzsche F. "K genealogii morali. Polemicheskoe sochinenie" [To genealogy of morality. Polemical writings], in: F. Nietzsche, Sochineniya [Works], Vol. 2. Moscow: Mysl' Publ., 1990. (In Russian)
- Podoroga, V. Zakony i metody «negativnoi dialektiki» T.V. Adorno: kritika sovremennogo «neomarksizma» [Laws and methods of negative dialectics]. Moscow, Institute of Philosophy RAS Publ., 1981. (In Russian)
- Podoroga, V. "Pamyat' i zabvenie. T. V. Adorno i vremya «posle Osventsima»" [Memory and oblivion], Novoe literaturnoe obozrenie, 2012, № 116 (4). (In Russian)
- Podoroga, V.A. "Problema yazyka v negativnoi filosofii T.V. Adorno" [Problem of language in negative dialectics], Voprosy filosofii, 1979, № 11. (In Russian)
- Solov'eva, G.G. "Teodor Adorno i ego «Esteticheskaya teoriya»: sovremennyi vzglyad" [?], Istoriko-filosofskii ezhegodnik, 2010. Moscow: Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 2011. P. 145-170. (In Russian)
- Horkheimer, M., Adorno, T. Dialektika Prosveshcheniya [Dialectics of Enlightenment], trans. by M.M. Kuznetsov. Moscow, St. Petersburg: Medium, Yuventa Publ., 1997. (In Russian)
- Schmitt, C. "Ponyatie politicheskogo" [Der Begriff des Politischen], Voprosy sotsiologii, 1992, T. 1, № 1, P. 37–67
- Schütz A. Izbrannoe: Mir, svetyashchiisya smyslom [Collected works: world shining with meaning], trans. by V.G. Nikolaev, S.V. Romashko, N.M. Smirnova. Moscow: ROSSPEN Publ., 2004. 1056 pp. (In Russian)
- Adorno, T. W. Society, trans. by Fredric Jameson, Salmagundi 3, nos. 10-11. 1969-70. 144-153 pp. P. 148.
- Adorno, T. W. Sociology and Psychology, trans. by Irving N. Wohlfarth, New Left Review 46, 1967. 67-80 pp. P. 74.
- Adorno, Th.W. Philosophische Frühschriften. Bd. 1. Fr. a. M., 1976. S. 358-359
- Bielefeldt, H. "Carl Schmitt's Critique of Liberalism: Systematic Reconstruction and Countercriticism", The Canadian Journal of Law and Jurisprudence, January 1997, Vol. 10, 5. Published online: 9 June 2015, pp. 65-75.
- Böckenförde, Ernst-Wolfgang. "The Concept of the Political as the Key to Understanding Carl Schmitt's Constitutional Theory", The Canadian Journal of Law and Jurisprudence, January 1997, Vol. 10, 5. (Translated by Heiner Bielefeldt from "Der Begriff des Politischen als Schlüssel zum staatsrechtlichen Werk Carl Schmitts (1988)")
- Horkheimer, M. Fragen der Geschichtsphilosophie [Vorlesungsnachschrift von Alfred Schmidt] // Horkheimer M. Gesammelte Schriften. Bd. 13. Fr.a. M., 1987. S. 277–280.
- Horkheimer, M. Adorno T.W. Dialectic of Enlightenment, trans. by John Cumming. New York: Continuum, 1972. 304 pp. P. 123.
- Howse, R. From Legitimacy to Dictatorship and Back Again: Leo Strauss's Critique of the

Anti-Liberalism of Carl Schmitt *Sanadian Journal of Law and Jurisprudence* (Volume 10, Issue 1, January 1997) Published online: 9 June 2015, pp. 77-103.

Hullot-Kentor, R. Translator's Introduction // Theodor W. Adorno *Aesthetic Theory* / Gretel Adorno and Rolf Tiedemann, Editors. New York - London: Continuum, 2002. P. xii.

Kennedy, E. "Hostis not Inimicus: Toward a Theory of the Public in the Work of Carl Schmitt", *Sanadian Journal of Law and Jurisprudence* (Volume 10, Issue 1, January 1997), Published online: 09 June 2015, pp. 35-47.

Leydet, D. "Pluralism and the Crisis of Parliamentary Democracy", *Sanadian Journal of Law and Jurisprudence* (Volume 10, Issue 1, January 1997), Published online: 09 June 2015, pp. 49-64.

Mehring, R. "Liberalism as a "Metaphysical System": The Methodological Structure of Carl Schmitt's Critique of Political Rationalism", *Sanadian Journal of Law and Jurisprudence* (Volume 10, Issue 1, January 1997), pp. 105-124

Mouffe, C. "Carl Schmitt and the Paradox of Liberal Democracy", *Sanadian Journal of Law and Jurisprudence* (Volume 10, Issue 1, January 1997), pp. 21-33.

Schmitt, C. *Der Begriff des Politischen* // *Archiv für Sozialwissenschaften und Sozialpolitik*. Bd. 58 (1927), S. 1 bis 33.

Schütz, A. *Schriften zur Musik*. Konstanz: UVK Verlag, 2016. – 246 S.

Sünner, R. *Ästhetische Szientismuskritik. Zum Verhältnis von Kunst und Wissenschaft bei Nietzsche und Adorno*. Fr. am Main—Bern—New-York: Peter Lang. 1986. S. 24.

Wallace, F. *Adorno, Merleau-Ponty and the Structures of Experience*. Dublin, 2014. P. iv.

On T.W. Adorno's Theoretical Contribution to the "the Political" Conceptual Growth

Myrberg I.I., Institute of Philosophy RAS

Samoilova A.G., Institute of Philosophy RAS

Abstract: T.W. Adorno, German philosopher, sociologist, aesthetician, was presented in domestic research of the XX century, mainly as a prominent theorist of Neomarxism. Without disproving any of the listed definitions, the authors pursue the aim of presenting Adorno's creative contribution in terms of modern political theory (the latter is treated – along with phenomenology, existentialism, psychoanalysis - as a case of the infant non-classical thought); political theory sought to put in question classical traditions of philosophizing. Now, it is shown that Adorno's opposition to certain provisions furnished by of husserlian–heideggerian phenomenology doesn't make him the opponent of phenomenology *per se*. The "research vector" of his political philosophy, in important aspects, coincides with the social and phenomenological trend which underwent formation during his life-time. Conclusion about Adorno's philosophy participation in phenomenological tradition allows the authors to prove a thesis about the existence of internal correlation between the socio-political and art criticism ideas in the German philosopher's thought. Like A. Schütz, who was the founder of phenomenological sociology, Adorno saw in

---

aesthetic theory practices, as well as in artistic approaches and methods, the most important means of confirming his own philosophical concept according to which the crisis of subjectivity (see "mass society" theory), epitomized by the XX century, is surmountable only means of human subjectivity itself. Thus, it is with reference to this major socio-political thesis that the analysis of Adorno's work is carried out in the article. Final conclusions make it plausible to believe that Adorno's cross-disciplinary research furthered elaboration of the "political" as a notion of western non-classical philosophy.

Keywords: "the political", critical theory of society, non-classical philosophy, phenomenological sociology, subjectivity crisis, "aesthetical logic", mimesis.